

18+

Евгений Крушельницкий

Как ломали замок границы

Евгений Крушельницкий
Как ломали замок границы

«Издательские решения»

Крушельницкий Е.

Как ломали замок границы / Е. Крушельницкий — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-984245-9

Из страны бежали с первых дней советской власти. У многих это получалось, у большинства — нет. Судьбы беглецов разные, их мотивы тоже. Одни не могли мириться с ложью и несправедливостью, другие не справились с мечтой посмотреть мир, хотя телевизор давал им такую возможность. Это тоже считалось преступлением. Сегодня можно смело планировать свой отпускной маршрут по миру, не думая ни о каких запретах. Но выход из-за колючей проволоки прокладывали те, кто в своё время ломал пограничные замки.

ISBN 978-5-44-984245-9

© Крушельницкий Е.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
На земле, в небесах и на море	10
Борис Бажанов	10
Иван, Юрий и Борис Солоневичи	13
Пётр Пирогов и Анатолий Барсов	17
Пётр Патрушев	20
Владимир Комиссаров	23
Олег Соханевич и Геннадий Гаврилов	25
Отец и сын Бразинскасы	27
Павел Дудников и команда «Вишеры»	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Как ломали замок границы

Евгений Крушельницкий

Каждый человек имеет право покидать любую страну, включая свою собственную, и возвращаться в свою страну.

Всеобщая декларация прав человека

(Принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 дек. 1948 г.)

Каждый может свободно выезжать за пределы Российской Федерации. Гражданин Российской Федерации имеет право беспрепятственно возвращаться в Российскую Федерацию.

Конституция РФ

(Принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г.)

Тем, кто не дождался этих слов в нашей Конституции, посвящается.

Благодарности:

Автор благодарит всех, чьи материалы использованы в этой книге. Некоторые факты взяты с сайта: <https://www.liveinternet.ru/users/wolfleo/post379585500> Особая благодарность Александру Шатравке (иллюстрация для обложки взята из его книги «Побег из Рая»), а также Олегу Софьянику и Льву Бруни.

© Евгений Крушельницкий, 2020

ISBN 978-5-4498-4245-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

В наши дни стали привычными небрежные рассуждения на тему, а не съездить ли на новогодние каникулы в Альпы, погонять на лыжах, да и воздухом Европы подышать... Всего-то и надо, что о загранпаспорте позаботиться. А не в очень уж далёкие времена подобные желания просто не воспринимались всерьёз. И даже вызвали некоторую настороженность: ведь все прекрасно знали, что даже обыкновенная турпоездка получится далеко не у каждого.

Прежде чем отправляться в Швейцарию, куда, кстати, и путёвок-то не было, следовало сначала отметить в Болгарии или Польше, а уж потом заикаться о «капстране». Но и для Болгарии требовалось обзавестись хорошей профсоюзной характеристикой, из которой бы следовало, что человек, который будет представлять свою страну за рубежом, не только обладает высокими моральными качествами и пользуется на работе авторитетом, но и политически грамотен и скромнен в быту. Её подписывал «треугольник»: местком, партком и директор, после чего заверенный печатью документ поступал на рассмотрение и согласование в райком партии, хоть вы членом этой единственной в стране партии могли и не быть. Потом состав туристов утверждала специальная комиссия, тоже партийная. А ещё анкеты, с перечислением всех родственников, живых и умерших. При этом вы легко могли оказаться «невыездным» – это если уполномоченные на то органы сочтут ваше путешествие «нецелесообразным». Кому удавалось просочиться и через этот фильтр, тех ждал подробный инструктаж, как себя вести за границей. Владимир Высоцкий даже песню сложил, как инструктор «дал прочесть брошюру, как наказ, чтоб не вздумал жить там сдуру, как у нас».

На эту тему в июле 1979 года собрался секретариат ЦК КПСС, после чего разослал под грифом «совершенно секретно» выписку из протокола, где были такие слова: «Утвердить «Основные правила поведения советских граждан, выезжающих в социалистические страны» и «Основные правила поведения советских граждан, выезжающих в капиталистические страны».

В поездке обязательно присутствовал человек (и не один), который внимательно следил, как эта инструкция выполняется. Потому что «государственные, партийные и общественные организации, направляя советских граждан за границу, оказывают им большое доверие. Советские люди обязаны его оправдать примерным выполнением служебных обязанностей и безупречным поведением». Ну, а для нарушителей самых лёгким наказанием было просто попасть в «невыездные».

Наконец, ваши деньги обменяют на зарубежные – причём, не столько, сколько захотите, а сколько положено. И если решитесь что-то купить из тамошнего непривычного многообразия товаров, то придётся сэкономить на еде. По городу самостоятельно разгуливать вы тоже не будете, даже если время позволит. Только в группе, и с надёжным товарищем. В известной кинокомедии «Бриллиантовая рука» знаменитая фраза одного из героев «Руссо туристо! Облико морале!» напоминает и об обязательном инструктаже, и о наших познаниях в иностранных языках, и о неизбежных групповых прогулках.

Как видим, фантазии насчёт альпийских катаний были реальны, пожалуй, только для тех товарищей, которые принимали окончательные решения. Кто жил в СССР, знал с детства: наши границы не замке. Имелось в виду, что это для коварных врагов, которые норовят проникнуть и шпионить, а то и взорвать что-нибудь важное. И никаких вопросов не возникало. Тем более что все слышали о легендарном пограничнике Никите Карацупе, который со своим таким же известным Индусом (всего их было пять, причём все – Индусы; официальный вариант Ингус потом придумали из дипломатических соображений) лично задержал, как сообщает энциклопедия, 338 нарушителей границы, да ещё и пристрелил на месте 128... Потому что у советских пограничников была инструкция: «При невозможности задержать нарушителей –

применить оружие, прежде чем они смогут перейти на территорию капиталистического государства». И ещё картинка, где страж границы с колена расстреливает неудачливых беглецов.

Однако сам Никита Федорович, незадолго до смерти работавший в Центральном музее погранвойск, рассказывал, что количество задержанных им на границе составляет более полутора тысяч. Дело в том, что более тысячи попались по дороге... из Советского Союза.

Тёзка пограничника, композитор Никита Богословский, вспоминал свою встречу на банкете с прославленным следопытом. Оказались за одним столиком, познакомились, выпили, и композитор восхищенно упомянул о невероятном количестве задержанных нарушителей. Карацупа только вздохнул: «Знали бы вы, в какую сторону многие из них бежали...»

И это – труды только одного человека за 12 лет службы на одной погранзаставе у китайской границы, неподалёку от Уссурийска. Конечно, далеко не все стремились навсегда уйти в такой же «свободный» Китай, многие просто промышляли контрабандой, но всё равно количество желающих пересечь границу в одну и ту же сторону, впечатляет.

О том же писал в своих воспоминаниях и Олег Калугин, генерал-майор КГБ в отставке: «Моё регулярное общение с пограничниками убедило, что основной объём их работы заключался в том, чтобы не допустить побега через границу собственных граждан. Иностранцы перелезали через колючую проволоку очень редко, да и то в большом подпитии». Речь шла уже не о китайской границе, а о финской, но суть та же.

Да и послеперестроечная статистика подтверждает: с 1989 по 2015-й, по данным Росстата, Россию покинуло примерно 4,5 млн человек. Эта цифра существенно расходится с зарубежными, и, по мнению независимых аналитиков, её нужно увеличить в 3—4 раза. Причём, согласно опросам, число тех, кто был бы не прочь это сделать, идёт на десятки миллионов, особенно среди образованной молодёжи. Так что верно говорят: уезжают золотые головы, а приезжают золотые зубы...

Но как такие настроения выглядят с точки зрения патриотизма?

Телеведущий Владимир Познер на вопрос о том, считать ли предательством переезд «туда, где лучше», ответил так: «В одном лишь XX веке переехали из стран, в которых они родились и выросли, в другие страны десятки, если не сотни миллионов людей. И что, они все предатели?! Это глупость, а то и тупость. А может быть, ещё и зависть». И посоветовал: «Хочется вам куда-то уехать – уезжайте и ни о чем не думайте!»

Ему хорошо советовать – сегодня, да ещё и со своими тремя гражданствами. А в прежние времена если и находились смельчаки, готовые идти против несправедливого закона, то им предстояло сразиться с государственной машиной в лице специалистов, обученных охоте на людей.

Правда, эти люди нарушали закон. А ведь все слышали крылатые выражения вроде «закон суров, но это закон», «пусть погибнет мир, но свершится правосудие»... Получается, всё справедливо?

Но здесь ключевое слово – «правосудие», потому что закон может быть неправосудным. Маркс, бывший когда-то большим авторитетом в нашей стране, сказал среди прочего, что с помощью закона можно узаконить самое страшное беззаконие. И оказался прав, хотя вряд ли предполагал, что в нашем веке его слова подтвердятся не столько в «мире наживы», сколько в стране, построенной по его теориям.

Из нашей страны бежали с первых дней советской власти. У многих это получалось, у большинства – нет. Были и нашумевшие истории, но о неудачных побегах часто оставались в памяти лишь скудные факты, ставшие известными спустя много лет.

Охоту к путешествиям начали отбивать сразу же после революции. Если в 1920 году для получения загранпаспорта уже требовалась виза особого отдела ВЧК, то вскоре надо было получить особое разрешение наркомата иностранных дел. Поскольку всю за границу объявили «враждебным капиталистическим окружением», то с разрешениями никто не торопился. Осо-

бенно закрутили гайки после голодомора 1932—33 годов, опасаясь массового исхода за границу. В 1935-м за побег начали расстреливать, причём серьёзно доставалось не только родственникам беглецов, но и всем, кто знал, но не донёс. Документ подписал «всесоюзный староста» М. Калинин. После смерти вождя расстреливать за такие дела перестали, но всё равно сажали надолго.

В идеале справедливость воплощается в нормах права. Но неправовой закон в отличие от правового не воплощает справедливость. Особенно этим грешат тоталитарные режимы. Ведь в нацистской Германии тоже были свои законы, которые привели самих законодателей на скамью подсудимых, а то и на виселицу. Но нам лучше обратиться к отечественной истории. Не отменён же до сих пор петровский указ: доносить о всяком, кто, запершись, пишет...

Многие несправедливые законы потом отменяют. А пока они действуют, то успевают кое-кому испортить жизнь. Большинству – пассивно, требуя лишь не высовываться. Кто пытается спорить – тем по полной программе, предусмотренной статьёй. Покажется мало – усилят и статью. За валютные операции, привычные в наши дни, но запрещенные в хрущёвские времена, Яну Рокотову сначала дали законный максимум – 8 лет. Хрущёв рассердился и зачитал на пленуме ЦК письмо ленинградских рабочих, «возмущённых мягкостью приговора». «Это же настоящие враги, а вы им всего по восемь лет? За такие приговоры самих судей судить надо!» – кричал он. Дело пересмотрели и получилось уже 15. Опять мало... Тогда спешно издали указ «Об усилении уголовной ответственности за нарушение правил валютных операций», пересмотрели дело в третий раз и Рокотова с подельниками благополучно расстреляли.

Как видим, закон часто суров, это правда, но вот справедлив – уже реже. Что и побуждало некоторых сограждан покидать страну не рейсовым транспортом, а бежать, много чем рискуя.

Судьбы беглецов разные, их мотивы – тоже. Одни не могли мириться с ложью и несправедливостью, другие не справились с мечтой посмотреть мир, хотя телевизор давал им такую возможность. А кто-то не желал ни того, ни другого, а просто хотел сменить гражданство и жить в другой стране, считая, что сможет там добиться большего. Это тоже считалось преступлением. И, конечно, далеко не все собирались кого-то предавать и выдавать гостайны. Многие не знали никаких секретов и хотели только уехать. Именно этого и старались не допустить охранники государственных рубежей. Но разве можно предать охранников? Их можно только обмануть. Или восстать, только это уже совсем другие сюжеты.

Сюда не вошли истории, когда оказавшись за границей – в служебной командировке или по турпутёвке – человек просил у властей убежища. Таким беженцам не приходилось опасными тропами добираться по болотам до вспаханной пограничной полосы, ни плыть сутками в открытом океане. А бывало, что власти и сами выдворяли неудобного гражданина, пусть даже он и не собирался никуда ехать. Но это не значит, что провинившегося ожидает долгая жизнь на чужбине. Ведь Родина не прощает изменников, от Троцкого и Раскольникова до Литвиненко и Скрипаля.

Бежали по-разному, как могли. Проще всего это было сделать лётчикам на своём самолёте. Если самолёта не было – сооружали самодельный (мотодельтапланы тогда ещё не изобрели). Бежали по сточной трубе, по балтийскому льду на снегоходах и автомобилях, по Чёрному морю на плоту, а то и просто вплавь. Прыгали в океан с круизного лайнера в кишачий акулами океан. Травились во время рейса, чтобы только попасть в иностранную больницу и уже не возвращаться.

Да и приблизиться к границе было непросто: с 1934 года в СССР существует пограничная зона шириной в десятки километров. В 1970-е годы в неё входили огромные территории: Дальний Восток (Приморский край, Сахалинская область, Камчатка, Магаданская область, Чукотский полуостров), всё северное побережье (включая даже Норильск, от которого до Карского моря – час самолётом), большие полосы на западе (включая, например, Кронштадт, Севастополь), большая часть территории Киргизии, Тувы... этот перечень длинный и скучный. Чтобы

туда попасть, надо было получить пропуск в отделении милиции, а выдавали его только тем, кому положено. Кто не собирался в командировку и не имел приглашения от родственников, мог путешествовать в тех местах только на карте. А если кто-то всё-таки туда и проникал, местные жители исправно сообщали куда надо обо всех незнакомцах.

Несмотря на изобретательность беглецов, большинство историй кончалось внезапным появлением вооружённых пограничников. Или их собак. Или патрульного катера.

Ближайшая граница – это калитка в заборе иностранного посольства. Если уж кому и удавалось прорваться сквозь милицейские заслоны (или хотя бы попытаться это сделать), то их зачастую ждала карающая рука государства в лице услужливых психиатров. Люди в белых халатах не только умели превращать здоровых людей в больных, но делали это долго и мучительно, закалявая «лекарствами», после которых разрушается личность. Держали, сколько хотели: «будешь сидеть, пока не подохнешь».

Беглецов выдавали с чужой территории, с чужих кораблей, из посольств. Обманывали, сажали, лечили, расстреливали. А почему? Потому что серьёзные мужчины, которых мы знали в лицо по первомайским портретам, решили, что уехать обычным путём, как делают свободные люди, – это предательство.

Сегодня можно смело планировать свой отпускной маршрут по миру, не думая ни о каких комиссиях и инструкциях. Но выход из-за колючей проволоки прокладывали те, кто в своё время ломал пограничные замки. Прошли десятилетия, и теперь в интернете появляются такие комментарии о тех временах: «Страна, из которой человек не мог просто уехать, а должен был бежать – это всё, что нужно знать об СССР». Так власти сами плодили антипатриотов на долгие годы вперёд.

...На земле, в небесах и на море
Наш напев и могуч и суров:
Если завтра война,
Если завтра в поход,
Будь сегодня к походу готов!

Эту предвоенную шапкозакидательскую песню на стихи Лебедева-Кумача перестали петь уже в начале войны, когда стало не до похвальбы. И всё же именно в этих трёх стихиях ещё долго продолжалось неравное соперничество могучей и суровой родины со своими неверными детьми, которые всеми силами стремились её покинуть и готовились совсем к другому походу.

На земле, в небесах и на море

Борис Бажанов

Он был, конечно, далеко не первым, кто решил покинуть страну после революции. Из общего потока беженцев его выделяет то, что молодой человек (ровесник века) за десять лет проделал путь от идейного коммуниста до столь же идейного антикоммуниста, стоило лишь ему поработать вместе с партийными вождями. И хоть двадцатые годы особо благодостными не назовёшь, но по сравнению с последующими свершениями – коллективизацией, голодомором и террором – как говорится, грех жаловаться.

Да и вообще в жизни ему везло. Родился в семье врача, потом гимназия, физмат Киевского университета. Вскоре революционеры эту колыбель науки закрыли, студенты, понятное дело, вышли на демонстрацию, где Борис получил свою пулю от новой власти. Но на его политических симпатиях это не отразилось: вернулся в родные места, подлечился и вступил в партию большевиков. И вскоре был избран секретарём уездной организации. А когда гражданская война кончилась, молодой человек уехал в Москву и был принят в Высшее техническое училище, которое со временем получит имя Баумана. И всё бы хорошо – и учёба ладится, и избрали секретарём партийной ячейки, – если бы не голодный паёк. К зиме 1922-го парень настолько отошал и ослабел, что решил всё бросить и вернуться домой. Хорошо, друг надумил: мол, я полдня учусь, а полдня работаю в ЦК партии. Там аппарат расширяется и грамотные нужны.

Так было принято судьбоносное решение, и Бажанов оказался в орготделе ЦК, которым заведовал Каганович. Партийцы быстро поняли, что у них появился ценный кадр. Прекрасно, что он может написать за малограмотного начальника руководящую статью в журнал. Когда же этому начальнику он предложил проект нового устава партии (как известно, в своё время партия разделилась на большевиков и меньшевиков из-за спора по первому пункту устава), то дело не только быстро дошло до самого Сталина, но даже было всеми одобрено. Появилась Комиссия по пересмотру устава, и в том же 1922-м окончательный текст утвердили везде, где надо.

Словом, карьера развивалась более чем успешно, и её подробности Бажанов потом опишет в книге «Воспоминания бывшего секретаря Сталина». В ней немало любопытных деталей из жизни партийного серпентария, благодаря которым коммунистическим взглядам сталинского помощника, которые не смогла поколебать даже пуля, пришёл конец. Но нас интересует не его партийная карьера, а то, как молодой человек её завершил, чтобы начать новую, только уже за пределами советской страны.

Побег обычно начинается с размышлений над картой. Польская граница – самая близкая и самая недоступная: ряды колючей проволоки и пограничники с собаками. Румынская не лучше. Другое дело финская, где леса и болота. Но там просторная приграничная зона, где обязательно на кого-нибудь наткнёшься, и потом придётся как-то объяснять недоверчивым людям, что ты тут делаешь. В общем, выбор пал на Туркмению, чья столица – Ашхабад – всего в двадцати километрах от границы. И вот, удивив коллег желанием отправиться в глубинку (мол, оторвался от жизни, надо бы попробовать себя на низовой работе), уехал на восток, прихватив с собой платного агента ГПУ Максимова, приставленного за ним следить. Дело в том, что секретарь Сталина мог позволить себе презирать главного гэпэушного начальника Ягodu и не скрывать этого. Тот платил, чем мог. Так что лучше уж иметь дело со знакомым сексотом, чем с неизвестным энтузиастом.

Лёгкий характер и отсутствие карьерных амбиций москвича понравились аборигенам. Сдружились с начальником пограничной заставы, который, узнав, что новый друг – страстный

охотник (на самом деле эту забаву он ненавидел), распорядился прислать два карабина и два пропуска в погранзону (стукача тоже не забыли). А в откровенных беседах стали выясняться любопытные вещи, причём довольно неприятные.

– Граница совсем рядом и, наверное, часто убегает отсюда? – спрашивает обеспокоенный Бажанов.

– Нет, – объясняет терпеливый начальник. – Конечно, за всей границей не уследить, но ведь чтобы до неё добраться, сначала нужно попасть в определённый населённый пункт, и вот за ним-то мы постоянно наблюдаем.

– Ну, а если, это, скажем, ответственный партийный работник, который имеет право находиться где угодно?

Оказывается, это тоже не проблема. О таком работнике тут же поступает сигнал от своих людей и его хватают прямо в Персии. А тамошние власти всё понимают правильно.

Что ж, в таких делах приходится рисковать. И ещё раз предварительно всё просчитать. Причём выбрать правильную дату: 1 января 1928 года. «Если я сейчас жив и пишу эти строки, этим я обязан решению перейти границу именно 1 января», – напишет он, вспоминая те дни.

Новогодним утром Бажанов вместе со своим соглядатаем отправился на охоту и у пограничного столба посвятил спутника в ближайшие планы. Тот расстроился:

– Меня же расстреляют за то, что я вас упустил...

Пришлось пойти навстречу и взять его с собой.

В персидской деревушке Люфтабад беглецам, хоть и не сразу, удаётся отыскать местное начальство, но оно такие серьёзные вопросы не решает, и в административный центр дистрикта, за двадцать километров, был отправлен гонец. Он вернулся поздно вечером и сообщил, что русским надо ехать в центр. Сопровождать их на ночь глядя никто не взялся, и пришлось ночевать здесь же. Между тем, местный информатор уже сгонял на погранзаставу, но безуспешно: трезвых там не было, и объяснить, что к чему, удалось только на следующий день. На это и рассчитывали беглецы, которые к тому времени были уже в центре. Но и там гостей могли только отправить в столицу провинции. Причём по дороге их уже ждал обещанный сюрприз: отряд чекистов с автомобилем и возвращение на родину. Оставался только один путь: напрямик, через горы, по занесённым снегом тропинкам.

Каково ходить напрямик, то и дело рискуя сорваться в пропасть и полагаясь только на привычных к такой жизни горных лошадок, – отдельная история. Когда измученные путники на пятый день вышли на дорогу и сели в грузовик, который там работал автобусом, то успели вовремя занять задние места, потому что за ними уже следовали два чекиста. Те, правда, опасались, что беглецы вооружены и вели себя смиренно.

Автобус довёз до гостиницы, где путников первым делом угостили кофе. И если недавний агент ни на что не обращал внимания и уже приготовился расслабиться, то Бажанов почувствовал сильный запах горького миндаля: так пахнет цианистый калий. Так что обошлись без ужина. Да и гостиничный номер оказался с сюрпризом: без замка и даже хоть какой-нибудь задвижки. Пришлось забаррикадироваться и только после этого, наконец, прилечь. Но дрёма длилась недолго, её сменил грохот в дверь: «Полиция!» От неё-то беглецы и узнали, что происходит. На покинутой родине началась большая суматоха, и хозяин гостиницы – советский агент – получил от своего куратора револьвер и яд, чтобы покончить с предателями. Когда с ядом не получилось, хозяин направился с револьвером к незапертому номеру, но полиция вовремя надела на него наручники.

Да только и на этот случай был запасной вариант: напротив полиции, где гостей поселили ради их же безопасности, расположились курдские всадники, нанятые большевиками. В их задачу входило при выходе «объекта» из полиции, налететь, зарубить и ускакать. Хоть и этой опасности удалось избежать, до финиша было ещё далеко. Из Тегерана поступил приказ привезти русских туда. Причём перспективы выглядели мрачно: советское правительство изо

всех сил давило на южного соседа, обещая за выдачу беглецов уступки по некоторым важным вопросам – например, о принадлежности богатого нефтью пограничного района.

И тут очень помог... губернатор Хоросана. Он благожелательно отнёсся к бажановской просьбе: подобрать охрану из неграмотных. В стране, где четыре пятых населения не умело ни читать, ни писать, это сделать нетрудно, и четыре солдата, включая унтер-офицера, не смогли возразить подконвойному, когда тот на одной из развилок, сославшись на сопроводительное письмо, настоял свернуть не на Тегеран, а на приграничный городок: мол, про Тегеран говорили, чтобы сбить с толку большевиков. И пока там местные власти запрашивали столицу и разбирались в ситуации, Бажанов сумел найти человека, который отвёз их на ту сторону границы с Индией. С персидской стороны границу не охраняли, потому что впереди простиралась пустыня, а индийские рубежи стерегло племя белуджей. С ними-то и удалось успешно договориться. Впереди было ещё несколько дней путешествия с караваном верблюдов через пустыню.

В Индии тоже оказалось не просто, но спустя месяцы ожидания французский консул поставил беглецам постоянную визу. И вот, сев в Бомбее на пароход, вскоре они сошли на берег в Марселе.

Мемуары стали едва ли не главным делом Бориса Георгиевича. В парижской эмигрантской газете он подробно описал то, что видел и знал: «то, что Москва тщательно скрывала, в частности, механизм власти и те события, свидетелем которых я был». Как работала законодательная и карательная машина, что за человек был Сталин и как он принимал решения. Кстати, сам вождь был, пожалуй, самым внимательным читателем своего недавнего помощника. Выходившие статьи ему немедля доставляли самолётом.

Впервые книгу воспоминаний опубликовали на французском языке в Париже в 1930 году, а вскоре переиздали и на других языках. По-русски её прочитали только в 1990-м.

Но спокойная европейская жизнь не наступала ещё долго. У людей с горячими сердцами были очень длинные руки. В следующем году после неудачной попытки устроить Бажанову автоаварию со смертельным исходом, в Париж приехал сам Блюмкин – революционер, террорист, а заодно и советский чекист. Нашёл Максимова и уверил его, что ГПУ на него зла не держит и всё простит, если только тот поможет убрать своего бывшего подопечного. Для начала в Москву снова пошли доносы. С покушением что-то не заладилось, из поезда выбросили кого-то другого, но Блюмкин доложил, что задание выполнил. Сталин распустил слух, что предатель получил по заслугам, однако попытки убить беглеца продолжались. Правда, такие же неудачные. Бажанов умер в 1982 году в Париже, и похоронен на кладбище Пер-Лашез.

А вот Максимова не повезло. В 1935 году эмигрантская газета написала, что русский беженец Аркадий Максимов то ли упал, то ли прыгнул с площадки Эйфелевой башни. Газета предположила, что он покончил жизнь самоубийством, хотя у Бажанова на этот счёт остались серьёзные сомнения.

Иван, Юрий и Борис Солоневичи

Это отец, сын и брат. Иван Лукьянович – публицист, писатель, спортсмен и общественный деятель, – самый известный из этой троицы, которой в 1934 г. удалось бежать из Соловецкого лагеря в Финляндию. Его книга «Россия в концлагере» издана на многих языках.

Иллюзий по поводу пролетарской власти у них не было. Да и сами строители нового мира своих взглядов не скрывали. Когда в 1922 году в немецкий Штеттин потянулись «философские пароходы» с оппозиционной интеллигенцией, Лев Троцкий, тогдашний председатель Реввоенсовета, откровенничал: «Мы этих людей выслали потому, что расстрелять их не было повода, а терпеть их было невозможно».

Или такой большевистский деятель, как Дмитрий Мануильский, в то время первый секретарь компартии Украины. С ним Солоневич встретился в качестве корреспондента и в разговоре высказал мысль, что большевизм обречён, потому что ему не сочувствуют массы. Ответ был по-партийному принципиален:

– Да на какого же нам чёрта сочувствие масс? Нам нужен аппарат власти. И он у нас будет. А сочувствие масс? В конечном счёте – наплевать нам на сочувствие масс.

Иван начинал работу журналиста с заметок на спортивные темы. Потом перешёл на публицистику, и в Петрограде работал в газете «Новое время», которую большевики закрыли на второй день после революции. Серьёзно занимался спортом – борьбой, боксом, тяжёлой атлетикой, играл в футбол, что потом ему не раз поможет в жизни.

Одновременно учился в университете на юридическом, а в голодные дни вместе с друзьями пытался работать грузчиком, зарабатывая впятеро больше, чем в редакции. Да только наладить отношения с профессионалами не вышло: те восприняли отказ студентов от денатурата как оскорбление...

Когда большевики окончательно захватили власть, пришлось бежать на юг, чтобы эвакуироваться вместе с врангелевской армией. Но жена с пятилетним сыном добралась до места только когда последний корабль уже ушёл.

На этом берегу осталось немало единомышленников. Были и встречи, и разговоры, которые не прошли мимо ушей бдительной соседки. Так вся семья оказалась в одесской ЧК. Однако погибать им было ещё рано, и вскоре случилось чудо: улики из дела исчезли (не без помощи друга-чекиста) и семью отпустили.

Чтобы не голодать, Иван с братом организовали «бродячий цирк», разъезжая по сёлам. Устраивали силовые представления, борцовские и боксёрские поединки. Выступали даже с легендарным Иваном Поддубным. Плату брали продовольствием.

В нэповские времена Иван с семьёй переехал в Москву. Занимался спортивной журналистикой, писал книги на эту тему. Жил на главной улице столицы – на Тверской. Правда, в коммуналке, где на восемь семей приходилось семь комнат, и потому ванная тоже была заселена. Солоневичам «повезло» – Бориса сослали на Соловки, и его комната освободилась. Дело в том, что ещё с ранних лет Борис участвовал в международном скаутском движении. Дети вместе со взрослыми играли в разведчиков, а попутно приобретали много ценных навыков, стараясь быть полезными и людям, и природе.

Большевики объявили скаутинг реакционным, буржуазным явлением и придумали пионерское движение, где кое-что взяли от скаутов, однако главным стало уже другое: быть готовым к борьбе за дело коммунистической партии. Вот за это своё прежнее увлечение Борис и получил восемь лет Соловков, но вскоре из-за болезни лагерь заменили ссылкой.

Властям было наплевать не только на сочувствие масс, но и на сами массы. Голодомор начала 1930-х с миллионами погибших приближался, и мысль о побеге не оставляла семью. Жена Ивана Лукьяновича Тамара оформила фиктивный развод, вышла замуж за немца, тоже

фиктивно, и уехала в Германию уже всерьёз. Что ж, на войне, пусть даже с собственными властями, обмана нет, а есть военная хитрость. Вот и приходилось хитрить.

Между тем, Иван основательно готовился к побегу. Во время журналистских командировок побывал в нескольких приграничных районах. Вариант с персидской границей вскоре отпал: семья такой маршрут пройти бы не смогла. А в сентябре 1932-го попытались бежать через Карелию целой группой: отец с сыном и брат с женой. «Туристы-охотники» рассчитывали добраться за неделю, но оптимистический прогноз московского метеобюро подвёл: внезапно похолодало, начались дожди. Мало того, что заблудились, попав в зону магнитной аномалии, так ещё и Иван, несмотря на завидное здоровье, заболел. Побег отложили до весны, но снова не повезло – у сына аппендицит.

Осенью сорвётся и третья попытка, на этот раз – с серьёзными последствиями. Группа стала обрастать друзьями и подругами, не всегда проверенными. И вот одна из подруг привела с собой ещё и любовника, который по совместительству служил чекистам под кличкой Прицельный. Дальше всё шло уже по чужому плану. В поезде Москва – Мурманск их вагон оказался последним, места – в разных купе, причём пересаживаться проводник запретил. А попутчики – все 36 бойцов невидимого фронта – были готовы скрутить этих спортсменов, мастеров джиу-джитсу. И скрутили. В итоге вагон отцепили, поезд с ничего не заметившими пассажирами отправился дальше, а неудачливые беглецы остались в Ленинграде, в доме предварительного заключения на Шпалерной. И опять им повезло: до расстрельной статьи за такие дела оставалось меньше года. Братьям дали по 8 лет, а Юре, по малолетству, всего трёшку.

Если на Соловках многие не знали, за что сидят, то Солоневичи – знали. И по-прежнему не оставляли уже полупризрачные мысли о побеге.

Борис работал по специальности – врачом, а Ивану очень помогли известность и прежние связи. Так он попал в лагерное спортивное общество (было и такое), а когда замаячила перспектива отправки на дальний участок, предложил начальству провести «вселагерную олимпиаду», обещая всё организовать. Успех сулил не только статьи в газетах, но и ордена чекистам – мастерам «перековки». Идея понравилась, руководство горячо поддержало.

Началась активная работа. Иван Лукьянович оформляет командировки для себя и сына. Борис должен был бежать в тот же день – в полдень 28 июля 1934 года, из другого места, из Лодейного Поля, столицы Свирьлага.

За несколько дней до побега газета «Правда» напечатала постановление Совнаркома: за попытку побега за границу – расстрел. На это Солоневич-старший заметил: «Не меняет положения», а младший презрительно пожал плечами...

С разницей в три часа отец и сын покинули лагерь и встретились в условленном месте. Конечно, это не была спокойная прогулка. О чём только не подумал Иван Лукьянович, когда с тяжёлым рюкзаком, рассчитанным совсем не на командировку, встретил на дороге красноармейский патруль... На этот раз все неожиданности (а долгая дорога по болотам и бездорожью была ими полна) щадили беглецов: пули пограничников в них не попали, собака потеряла след, случайный встречный поверил складной выдумке и не поспешил с доносом. Вот и тут патрульные узнали спортивного активиста, прежде чем автор пособия для НКВД «Самооборона и нападение без оружия» пустил в ход свои навыки.

Им повезло: на шестнадцатый день отец и сын стояли на финской земле. В домике, к которому они вышли, их радушно встретили и проводили к пограничникам. Вскоре выяснилось, что брат был уже в Финляндии. Он пришёл на два дня раньше, едва не утонув в карельском болоте.

Несмотря на доброжелательных людей, жизнь в стране для эмигрантов была непростой. Двойной успешный побег навёл финскую полицию на размышления, что беглецы – всего лишь агенты НКВД. Русский общевойсковой союз, созданный бароном Врангелем, который объединял участников Белого движения и их единомышленников, тоже присматривался к Солоневичи-

чам с подозрением. Только у агентуры НКВД, которыми кишело зарубежье, вместо сомнений было искреннее желание уничтожить всех троих.

В эмиграции Солоневич пытался рассказать местной благодушной публике – прежде всего русской эмиграции – о той России, из которой бежал. Там задавали тон отставные политики вроде Павла Милюкова. Тот в своё время возглавлял партию кадетов, был министром иностранных дел во Временном правительстве и в конце концов благополучно осел в Париже. А в 1936 году выдал оптимистический прогноз, что-де советская власть эволюционирует в лучшую сторону, и призвал эмигрантскую молодёжь вернуться на родину. Горе-политику не приходило в голову, что он зовёт людей на смерть. В ответ Солоневич, по его словам, «устроил скандал неприличного размера»: «Я основал свою газету. Я опубликовал в ней личное письмо П. Милюкову. Я выражался так, как в приличной прессе выражаться не принято и не было принято. Но я спас эту молодёжь от возвращения в Россию и от отправки на Соловки».

Начал печатать в газете свой главный труд «Россию в концлагере». Его голос из Финляндии слышался плохо, но европейские державы пускать к себе смутьяна не хотели. Ведь в те времена ещё очень многие «шагали не в ногу» с Солоневичем – от советских и европейских руководителей до обывателей по обе стороны границы. В лучшем случае – просто травили, в худшем – пытались убить. С трудом перебрался в Болгарию. И вот однажды на его адрес пришла посылка. Секретарь взялся открывать, жена Солоневича Тамара стояла рядом. Посылка взорвалась, оба погибли.

Пришлось переехать в более спокойную в то время Германию. Там, кстати, он был уже известен благодаря вышедшей «России в концлагере» (её напечатали под названием «Потерянные: хроника неизвестных страданий»). Книга стала популярна, в том числе и у партийного руководства. Ею заинтересовался сам Гитлер, а Геббельс в своих дневниках писал: «С ужасом читаю вторую часть „Потерянных“ Солоневича. Да в России просто кромешный ад. <...> Ужасно, ужасно, ужасно! Мы должны защитить Европу от этой чумы».

Да только уже очень скоро в самой Германии будет не лучше. Но что может быть хуже такой антирекламы для советских идеологов? Ведь по их логике, в грязных делах повинны не их творцы, а те, кто об этом рассказал и тем самым «лил воду на мельницу врагов»... В России издадут эту книгу только на исходе столетия.

А пока Солоневича на его родине самого объявили фашистом. Ещё ж не знали, что утром 24 августа 1939-го, через два дня после подписания исторического пакта с Гитлером, наш вождь поднимет бокал с шампанским за самого главного фашиста (точнее – нациста) и скажет: «Я знаю, как немецкий народ любит своего фюрера. Поэтому я хочу выпить за его здоровье». И сменится ещё целое поколение, прежде чем на весь мир прозвучат солженицынские слова: «Если режим безнравственен – свободен подданный от всяких обязательств перед ним».

Между тем, Иван Лукьянович смотрит, сравнивает, анализирует. Гитлер вместо Сталина, гестапо вместо НКВД, Дахау вместо Соловков... Но что больше всего его поразило – сходство самих революционеров: «общность того человеческого типа, который делает революционную эпоху, той „массы“, которая вздымается на гребне революционной волны – и прёт к своей собственной гибели». Арийцы или пролетарии, призванные спасти якобы заплутавшее человечество, – «оба мессии на практике превращаются в рабочее быдло, и бюрократия поставляет им всё для быдла необходимое: ярмо, кнут и корм – корма меньше, чем чего бы то ни было другого».

В результате появилась книга «Диктатура сволочи». Написана в 1939 году, когда и коммунисты, и нацисты успели себя проявить.

Такие выводы устраивали далеко не всех. Европейские кабинетные либералы поспешили назвать книгу клеветнической. Да и на родине о нём не забыли: снова взорвалась бомба, теперь уже под машиной. И снова спасла случайность (впрочем, верующие объясняют это иначе).

Когда началась война, Солоневича не оставляла надежда изменить немецкую политику в отношении России. Он пытался убедить вождей, что попытки её покорения самоубийственны, и единственная возможность победы над большевизмом – это война вместе с русским народом против коммунистов.

Немцы, в свою очередь, пытались переманить его на свою сторону и предложили работу в оккупационной администрации Белоруссии, откуда Солоневич родом. Он отказался и направил на имя Гитлера меморандум, где изложил свою позицию и заявил, что война против России окончится разгромом и гибелью Германии. В результате в октябре 1941 года его вызвали в гестапо и приказали в трёхдневный срок покинуть Берлин и поселиться в Померании. А заодно запретили заниматься политической деятельностью, включая журналистику.

Солоневич для своей ссылки предпочёл Темпельбург (теперь это польский Чаплинек неподалёку от Щецина). Однако в середине января 1944 года Солоневичу вместе с сыном и его семьёй пришлось бежать из ссылки под угрозой советского плена. Смерш наступал на пятки, и спасла только аргентинская виза. Туда и уехали.

И всё бы ничего, если б не активность публициста. Тамошнему правителю Перону, который вёл страну по собственному пути – третьему, между капитализмом и социализмом, не понравились отзывы эмигранта о социалистических идеях, и он предписал Солоневичу-старшему в трёхдневный срок покинуть страну. Тот перебрался в Уругвай, где его и настигла последняя болезнь. Врачи помочь не смогли, и Иван Лукьянович умер на 62-м году своей насыщенной жизни. Той же весной, что и Сталин, пережив вождя на полтора месяца. Но если диктатора ждали хула и вынос из мавзолея, то Солоневич в 1989 году был реабилитирован военной прокуратурой Ленинградского округа. Вместе с братом.

Оба дорого заплатили за свою свободу. Если у Ивана жена погибла от взрыва, то жену Бориса Ирину расстреляли в 1938-м, а судьбы детей остались неизвестны. Не пощадили и прочую родню, включая брата жены. Погиб и отец, Лукьян Михайлович, белорусский историк и журналист.

Пётр Пирогов и Анатолий Барсов

9 октября 1948 года эти лётчики перелетели на бомбардировщике Ту-2 с авиабазы в западноукраинской Коломые на американскую авиабазу в Австрии, около города Линца. Оба офицеры, участники войны, орденосцы.

К тому времени отношения с союзниками успели ухудшиться. Два года назад Черчилль, уже не премьер союзной Великобритании, а частное лицо, выступил в американском Фултоне и констатировал, что после войны прежде немногочисленные коммунистические партии восточноевропейских государств «дорвались до власти повсюду и получили неограниченный тоталитарный контроль. Полицейские правительства преобладают почти повсеместно». Отметив, что «это, конечно, не та освобождённая Европа, за которую мы боролись», призвал англосаксонские нации объединиться и отстаивать ценности свободы и демократии. Сталин в долгу не остался и в интервью «Правде» поставил Черчилля в один ряд с Гитлером. Так началась холодная война. Одним из её эпизодов стал и этот побег.

Технической стороной дела занялся Пирогов. Лететь пришлось без карты: предусмотрительное начальство, предвидя такие истории, изъяло с карт территории сопредельных государств. Топлива, рассчитанного на учебный полёт, не хватало. Хоть лётчики и схитрили при заправке, всё равно горючее кончилось в воздухе. Но тут заметили аэродром и дотянули-таки до полосы. Когда увидели на одном из зданий пятиконечную звезду, занервничали: неужели прилетели к своим?! Только эта звезда была чья надо звезда: символ военной авиации США.

Первыми словами Пирогова были две фразы на недоученном английском: «Я русский пилот. Где Линц?»

Вскоре подъехали и представители советского командования и предложили лётчикам добровольно вернуться обратно. Кроме Пирогова и Барсова там был ещё и бортовой стрелок, сержант (имени его история не сохранила). Он поначалу был вообще не в курсе этой затеи и вернулся, а офицеры отказались, хоть им и объяснили, чем такое может кончиться.

Американские оккупационные власти предоставили беглецам убежище, но были в некоторой растерянности, потому что их законодательство не поспевало за подобными сюрпризами. И на официальное требование советских властей вернуть лётчиков вместе с самолётом ответили уклончиво: самолёт – хоть сейчас, а вот к людям применять силу они не будут.

Конечно, лётчики на боевых самолётах после войны бежали к союзникам и раньше, но такие случаи старались не афишировать. А этот побег стал сенсацией, особенно после того, как Пирогов написал книгу «Почему я сбежал».

И действительно – почему? Чего не хватало?

Пирогов потом пояснил. Если он вступал в партию верным ленинцем, то постепенно пришло разочарование. В рядах армии-победительницы царил страх. Когда из немецкого плена бежали наши лётчики Пучкин и Иванов, самостоятельно разыскали свою часть и вернулись, то тут же были арестованы бдительными контразведчиками. Или сослуживец из соседнего полка, который женился на польке, а она оказалась набожной и настояла на венчании. Этого жениха через два дня после свадьбы вызвали «в Москву» и больше его не видели. А как готовились к параду Победы, в котором Пирогов участвовал... Меры безопасности были невиданные. Многих знакомых отстранили не только от участия в параде, но и на всякий случай посадили. Пирогов увидел, что недоверие к собственному народу со стороны власти и боязнь его после войны только усилились. А бесклассовость общества? Если сослуживцы, вплоть до комдива, курили махорку в газетной обёртке, то особисты и смершевцы являли собой пример сытой тыловой жизни и покуривали «Кэмел». При этом на политзанятиях вдалбливали что-то о «загнивающем капитализме», «угнетённом рабочем классе» Америки и строго запрещали слушать по радио лживые зарубежные «голоса».

Пирогов был из Тамбовской губернии, из крестьянской семьи, и многие его родственники попали под раскулачивание. Не повезло с происхождением и Барсову: его отец, кстати, был вовсе не Барсов, а потомственный дворянин Порфирий Борзов, почтмейстер из Чистополя, и сын был вынужден всю жизнь это скрывать. Характер имел взрывной, часто высказывал начальству то, что думает, поэтому имел репутацию «политически несознательного». Для обоих военная карьера была чуть ли не единственным способом выбраться из нужды.

Заприметили друг друга, вместе слушали запрещённое радио и вскоре приняли решение, что делать дальше. Но дату не выбирали, улететь решили по настроению. Просто если один дозреет и скажет второму: «На курсе!», тот ответит: «На глиссаде!» Значит – пора.

За пару месяцев до побега в Нью-Йорке случилась громкая история, о которой друзья узнали из «Голоса Америки». Оксана Касенкина, учительница химии в школе для детей советских дипломатов, бежала, выпрыгнув из окна советского генконсульства. Хоть осталась жива, но лечиться пришлось. Этот случай ещё больше укрепил их в своём решении.

Сталин опасался таких офицеров – прошедших войну, возмужавших, посмотревших Европу. Да ещё и разговорчивых (о разговорах тут же становилось известно, где надо). Так что у Пирогова с Барсовым были все шансы попасть в лагерь.

Когда журналисты выспрашивали беглецов, что их больше всего поразило на американской земле, Пирогов ответил: «То, что все спрашивают, чем могут нам помочь в налаживании новой жизни». А американские офицеры заметили, что гостей очень поразила ванная комната: такого они ещё не видели и радовались, как дети новой игрушке.

Впрочем, двери Америки открывались со скрипом. Поскольку Пирогов был кандидатом в члены ВКП (б), то действовавшие в США ограничения для бывших коммунистов мешали получить гражданство. Конгрессу пришлось принять закон «О предоставлении Петру А. Пирогову постоянного жительства в США». Он поначалу работал маляром, таксистом, активно изучал английский. А когда пригласили писать тексты передач для радио «Освобождение», то дела пошли куда лучше. Со временем окончил университет, стал лингвистом и преподавал там же, в Джорджтауне. Женился на русской, из семьи дореволюционных эмигрантов, которая родила ему троих дочерей.

А вот у его старшего товарища Барсова дела шли всё хуже. Привык жить по уставу, когда всё решает начальство, и внезапно свалившаяся свобода привела лишь к пьянству и депрессии. Тут ещё и сладкие речи советского посла, а заодно и генерал-майора госбезопасности Панюшкина, который «лично гарантировал» беглецу амнистию, если он вернётся с другом, и максимум два года тюрьмы – если в одиночку. Пирогов от бесед с генералом уклонился, но в нашем посольстве уже изготовили для обоих советские паспорта. Когда Барсов решил возвращаться и переселился в посольство, он назначил другу встречу в ресторане неподалёку. Пирогов пришёл, предупредив о своей культурной программе сотрудников ФБР. И не зря: его там попытались похитить, только ничего не вышло.

Между тем, Барсов «прозревал» и писал в дневнике покаянные строки: «Рабочий класс имеет свою коммунистическую партию и отчаянно борется за власть народа. . . Какая тут грязь, какая ложь, какая бюрократия. Какая жажда делать деньги». Что касается лжи, то впереди его ждал серьёзный урок. Ведь Пирогов как прокомментировал его рассказ об обещаниях дипломата-гэбэшника? «Пристрелят они тебя, Толя, как собаку». Так и вышло.

Сначала идейного возвращенца держали в таганской пересыльной тюрьме и усиленно допрашивали, а когда тот рассказал всё, что знал, то весной 1950-го расстреляли. Втихую, конечно, потому что надежды на «прозрение» Пирогова не покидали дипломатов. И вот семь лет спустя с Пироговым встретился второй секретарь посольства Геннадий Макшанцев и принёс беглецу радостную весть: после смерти Сталина страна стала другой и бояться больше нечего. В доказательство принёс письмо от Барсова. Но подделка оказалась грубой. Хоть с почерком и поработали, а мелочи подвели: литературный стиль никак не напоминал малооб-

разованного Барсова. Он просто не умел писать «красиво» и без ошибок. Да и подписывался в частной переписке иначе, настоящей фамилией – Борзов.

Пирогов сообщил о своих подозрениях властям, и те выслали Макшанцева за попытки склонить бывших советских граждан к возвращению с использованием подложных документов.

Спектакль имел продолжение: спустя два месяца в Москве устроили пресс-конференцию, где перед иностранными журналистами предстал... Анатолий Барсов. И рассказал складную историю, как он пять лет отбыл в Омске и Воркуте, работал электромонтёром и получал неплохие деньги. Ему даже разрешили воссоединиться с семьёй. Срок истёк, но семья решила задержаться в Воркуте, потому что и работа и зарплата главе семейства нравились. А в СССР он решил вернуться потому, что насмотрелся на безработицу и ужасы капитализма. Журналисты поняли так: эта затея понадобилась, чтобы оправдать Макшанцева. Ну, а лжебарсов и его рассказы – вообще клубная самодеятельность.

Однако выводы из этой истории были сделаны серьёзные. С поиском виноватых у нас проблем никогда не было, потому что официально действовала круговая порука, и за изменников отвечали их родственники и члены семей. В Военно-воздушных силах ненадёжных переводили подальше от границы, а то и вовсе отстраняли от полётов. Истребители не смогли отреагировать на этот побег, потому что аэродром был рядом с границей. Промаш учли, аэродромы задвинули вглубь страны. Заодно постарались глушить западное радио так, чтобы до нестойких ушей не доносилось ни слова. Ну и досталось, конечно, всевозможным оперативникам разного уровня: ведь были же сигналы о «моральном разложении» Пирогова, но мер-то не приняли...

Так что ошибки исправили (как мы ещё увидим – не все), и когда в 1956-м пытались угнать такой же бомбардировщик в ту же Австрию, то ничего не получилось, истребители успели вовремя.

Пётр Патрушев

Он сумел безо всякого специального снаряжения переплыть из Батуми в Турцию. Летом 1962 года молодой человек преодолел около 35 километров только в ластах и в плавках. В то время это был первый успешный побег пловца-одиночки на такое расстояние. Только через три года Владимир Комиссаров повторил его путь.

За этот заплыв родина заочно приговорила парня к расстрелу. Свои мемуары он потом так и назовёт: «Приговорён к расстрелу». Вот как Пётр описывал в ней последние батумские дни накануне побега:

«– Позолоти ручку, красавчик! – цыганка бесцеремонно схватила меня за руку и начала говорить что-то о моих «сердечных делах». Я ответил, что мне это неинтересно, и попытался вырваться. Не тут-то было! Она посмотрела на меня своими сверлящими карими глазами и произнесла нечто, отчего мурашки забегали по спине:

– Ты в смертельной опасности. Можешь кончить в казённом доме, если не поостережешься. Позолоти ручку рублём, и я скажу тебе твою судьбу.

Почти против своей воли я вынул из бумажника пятирублёвку и отдал ей.

– Одна из твоих дорог ведёт в казённый дом, другая – за кордон. Ты станешь богатым и знаменитым, если выберешь вторую.

Меня охватила паника. Кто эта женщина – провокатор, агент КГБ? Или на самом деле цыганка, прочитавшая мои тайные мысли? С того момента, как я ступил на землю Грузии, я не мог избавиться от чувства, что за мной кто-то наблюдает, – случайные прохожие, кассирша из газетного киоска, вездесущие пионеры... Пыталась ли она таким образом намекнуть, что догадывается об истинной цели моего приезда в этот приграничный город? Или сама Судьба подавала мне знак через неё?»

Петр родился в сибирской деревне. Отец погиб на фронте за месяц до рождения сына, а мать растила троих детей. Учился в томском техникуме, занимался плаванием и даже были шансы попасть в олимпийскую сборную на токийскую Олимпиаду 1964 года. Но вместо Токио его призвали в армию, где определили в армейский спортклуб в Новосибирске, который называли фабрикой будущих чемпионов.

Прав был американец Дейл Карнеги, когда говорил, что наши успехи больше зависят от отношений с другими, чем от наших талантов. Директор бассейна, бывший соратник Берии, сосланный за свои проделки подальше от столицы, невзлюбил парня и его тренера за своеволие и вольнодумство. Один звонок в КГБ – и Пётр уже в обычной воинской части. С её дедовщиной и бесправием. Защитил друга, которого избивал старшина – и вот уже у самого появилась реальная перспектива быть покалеченным, а то и убитым. Пришлось хитрить, чтобы скрыться в больнице, пусть даже и психиатрической. Но тамошние эскулапы, неспособные отличить симулянта от больного, собрались лечить его всерьёз, а после такого лечения человек если и выживал, то здоровье терял. Так что спасения не было и там.

Зато у этой лечебницы имелся один серьёзный плюс: из неё Петру удалось бежать. Скрывался у друзей, и пациента найти не удалось. Главврачу лишние хлопоты были не нужны, он уговорил брата беглеца взять ответственность за Петра, пообещав на прощание: «Ваш брат или сумасшедший, или симулянт. Так или иначе, мы с ним еще увидимся. Но пока он – на вашей ответственности».

Вскоре симулянт получил паспорт и военный билет со специальной отметкой, которая означала: «шизофрения, с посттравматической гипертонией». Свежевыданный паспорт давал возможность поселиться в любом месте страны. Такая возможность у большинства советских граждан была раз в жизни. А парень уже решил бежать и поехал в Батуми.

Сам по себе приезд в приграничный город никаких судьбоносных перемен не означал. Чтобы прописаться там, надо было устроиться на работу, а чтобы работать требовалась прописка. И это вовсе не недомыслие чиновников. Наоборот, всё было хорошо продумано: на словах – езжай, куда хочешь, а на деле ничего у тебя не выйдет. Помогли спортивные успехи, к которым в то время в стране относились очень трепетно: честь города, республики, страны защищали именно такие спортивные парни.

Что касается Петра, он в то время видел себя таким: «Мне только что исполнилось двадцать лет. Я был дерзким, упрямым, независимым и довольно начитанным молодым человеком, хотел путешествовать, изучать языки, читать закрытую от нас литературу, увлекался историей, философией, психологией, медициной, занимался йогой, гипнозом и психотехниками, пробовал писать. Меня не устраивала безысходность, в которой мы все тогда жили; не прельщала перспектива быть покалеченным в армии... Сказалось, быть может, что я вырос в Сибири и привык сам себе выбирать дорогу».

И цитировал любимого Мандельштама:

Я не хочу уснуть, как рыба,
В глубоком обмороке вод.
И дорог мне свободный выбор
Моих страданий и забот.

Если в психбольнице избегали лишних хлопот, то КГБ от работы не бегал и объявил Патрушева в розыск. Тучи сгущались даже в Батуми, и о спортсмене уже наводили справки. Но и тот времени зря не терял. Сухопутный вариант побега отпал, там пограничный патруль тормозил каждого, кто устремлялся из города на юг. От прожекторов, шаривших по морю, могли прикрыть только волны. Так что надо было выбрать подходящую погоду, чтобы выдержать это невероятное испытание. Дело не только в сильных течениях: предстояло обойти сети, расставленные против несознательных граждан, остаться незамеченным для прожекторов, камер наблюдения, патрульных катеров, вертолётов, обойти военные базы подлодок...

И вот наступил решающий вечер. Солнце садилось. «Море для моей цели выглядело превосходно: волны около трети метра высотой, спокойно катящиеся, стабильные, насколько хватал глаз, – пишет Патрушев. – Такой же прогноз погоды дали на ближайшую пару дней. Я сполз в пахнущую тиной воду оросительного канала. Вода была солоноватой – канал соединялся с морем. Нырнул и тихо поплыл, гребя руками брассом, ногами в свободном стиле. Проплыл таким способом метров сто, едва показываясь из воды, затем осторожно высунул голову наружу. Огоньки сигарет и голоса были позади. <...>

Теперь я остался с опасностью наедине, без всякой подстраховки. Включился первый прожектор. Он хлестнул море подобно щупальцу гигантского осьминога. Я глубоко нырнул, чувствуя, как растёт давление в ушах. Все мои тренировки, испытания на пляже будто бы испарились. Вынырнул на поверхность, задыхаясь. Если так реагировать на каждый прожектор, далеко не уйти. Напомнил себе: просто лежать чуть-чуть под поверхностью воды, распластавшись, как медуза, чтобы сберечь силы и не быть обнаруженным. Почти тотчас же луч прожектора опять прошёл надо мной. Я нырнул, на этот раз не столь глубоко. «Медуза, – повторял себе, – медуза». В промежутках между ныряниями быстро плыл, чередуя свободный стиль и движение на спине».

То, что сделал Пётр, было настолько невероятно, что турки ему не поверили и полтора года держали в тюрьме, добиваясь признания, что он советский шпион. Следствие вели по полной программе, от конвейерных допросов без сна и еды до имитации расстрела. О чём можно думать в таких условиях? Пётр взялся за турецкий язык, имея в руках русско-турецкий словарь и несколько бульварных журналов. В словаре было 30 тысяч слов, и узник поставил цель

запоминать по триста слов ежедневно. То есть программу рассчитал на три месяца. Он всегда ставил себе почти невыполнимые задачи. И скоро уже мог разговаривать со следователем по-турецки...

Что ж, в конце концов и чиновников порой удаётся убедить в своей правоте. Патрушева отпустили. А он к тому времени овладел ещё и английским языком, и со временем стал гражданином Австралии. Через шесть лет после побега вёл передачи Би-би-си в Лондоне, а потом на радио «Свобода» в Мюнхене. Причём языком овладел так, что работал даже переводчиком-синхронистом на многих международных конгрессах и симпозиумах. Именно он переводил встречи австралийского премьера с Горбачёвым, а потом и Путиным.

В 1990 году, когда в России наступили перемены, Пётр Егорович приехал на родину. Только что в стране отменили смертную казнь, и он надеялся, что и его расстрельный приговор тоже отменили.

Но после прилета его задержали в Шереметьеве на несколько часов, не разрешая ни с кем встречаться. Потом освободили безо всяких объяснений. На прощанье только сказали: «Видите, перестройка работает».

После этого он ещё не раз приезжал в новую Россию. Один из визитов совпал с провалившимся путчем 1991-го, и Патрушев присоединился к толпе защитников Белого дома. Однако надежды не оправдались. «Наш закрепощенный народ, не привыкший к самостоятельному принятию решений, не нашёл сил справиться с этой свободой... Одна надежда: Россия всегда славилась талантами», – написал он в своих мемуарах.

До последних дней (он умер в 2016-м) Патрушев работал переводчиком, писал книги и статьи. В Россию возвращаться не собирался, несмотря на заманчивые предложения: «С годами моя судьба все теснее срослась с Австралией. Привыкший ездить без визы или с минимальными формальностями по всему миру, я не смог бы привыкнуть к российским бюрократическим ограничениям. В последнюю поездку, несмотря на приличные деньги, заплаченные за визу и её оформление, я должен был три дня мотаться по паспортным столам и жэкам Москвы».

Жил с женой Алисой и сыном Андреем на берегу красивого тихоокеанского залива, где резвятся дельфины. И вспоминал слова китайского философа: «Когда обувь по ноге, забываешь о ноге, когда пояс по талии, забываешь о животе, когда сердце на месте, уходят сомнения».

Владимир Комиссаров

Летом 1965 года 26-летний чемпион страны по пятиборью уплыл с батумского пляжа в Турцию, повторив путь Петра Патрушева.

Родился он в Ленинграде, из блокадного города удалось выбраться вместе с матерью, попали в Новосибирск. Потом судьба забросила в столицу. Там десятилетний мальчик увлёкся спортом. Записался в секцию плавания, появились первые успехи. Со временем пригласили в пятиборье. Спортсмен быстро добился хороших результатов, и в 1959 году стал чемпионом Советского Союза.

Начались поездки за границу вместе с командой в страны соцлагеря, где парень увидел другую жизнь. Как ему показалось – более свободную. И решил бежать из страны. Но ведь если ты уже за границей, то надо не бежать, а просто остаться... Такой вариант его не устроил: «Не хотел никого подводить из моих руководителей, из моих товарищей». И был совершенно прав, потому что неплохим людям, много лет помогавшим спортсмену стать чемпионом, власти серьёзно испортили бы жизнь.

Пять лет искал подходящий вариант. Хорошему пловцу приглянулся такой: от Батуми до Турции всего два десятка километров по воде... Прикинул силы и начал готовиться к главному соревнованию. С пограничниками. Он – в открытом море, они – на катерах и вертолётах.

И вот в 1965-м вместе с двумя приятелями он поехал на соревнования в Батуми. Соревнования местные, можно было и не ездить, но желание ещё и отдохнуть – причина вполне уважительная. Соревнования, конечно, выигрывал, повергая местных в недоумение: зачем чемпиону такая глушь? Спортсмен совмещал заплывы с длинными прогулками по городскому пляжу, с которого и предстояло стартовать к границе.

Выяснились полезные вещи. Отплывать от берега больше чем на полсотни метров здесь нельзя, а после девяти вечера в воду и вовсе запрещено заходить. Днём уплыть вообще невозможно – очень следят. Как, впрочем, и ночью. В хорошую погоду под водой стоят подводные лодки с выключенными моторами, и там есть специальные приборы, которые учёные используют для обнаружения рыбных косяков. Пограничники приспособили эти локаторы для охоты на нарушителей: когда человек плавает, его дыхание можно услышать издалека. Поэтому решил плыть ночью, во время шторма – там уж никакого дыхания не услышать.

В тот вечер шторм был вполне подходящий, четырёхбалльный. Владимир и двое друзей отправился на пляж. Там было всё ещё многолюдно – люди любовались морем. На берег вышли с дальнего входа, и с центральной площадки были видны только силуэты.

Зачем нужны провожающие? Дело в том, что если человек войдёт в море и не вернётся, то на это могут обратить внимание и появятся совершенно ненужные спасатели. А тут двое обнялись, третий шёл чуть поодаль, и издали это выглядело как два силуэта. Но шторм, который должен был помочь, пока только мешал, и трижды выбрасывал беглеца на берег. Четвёртая попытка удалась. В море вошли трое, а вернулись двое.

Спортсмен уплыл примерно на два километра в открытое море – что-то ему подсказывало, что там безопаснее. Потом поплыл вдоль берега. Но прожектора, расставленные через каждые два-три километра, легко доставали беглеца. Светили сначала на берег, проверяя, нет ли там кого, а потом направляли на море. За это время пловец успевал сориентироваться и нырнуть.

Плыть мешал небольшой мешочек, в котором были припасены нейлоновые штаны, рубашка и теннисные тапочки. Пришлось его выбросить. Через четверть часа случилась более серьёзная неприятность – судороги в ногах. Так нервы давали себя знать. Владимир использовал старый морской способ – булавкой уколол несколько раз в ногу, мышцы расслабились и больше судорог не было.

Он плыл восемь часов, преодолев на всякий случай несколько лишних километров. И не был уверен, турецкий ли это берег или всё ещё наш, но в шесть утра надо было выбираться в любом случае: над водой начинали летать пограничные вертолёты, вылавливая беглецов.

Расчёт оказался верным, и Владимир благополучно вышел на чужой берег. Там, впрочем, его встретили вполне дружелюбно, и беглец успел прожить несколько месяцев, ожидая решения на высоком уровне. Между тем, соотечественники не теряли надежду уговорить его вернуться. Турецкие власти настояли на встрече с советским консулом. Встреча состоялась, и тот начал прочувствованную речь: «Твои мама, папа, твой брат и твоя сестра очень хотят, чтобы ты вернулся». Видно, речь была универсальная, поэтому не обошлось без конфуза. Владимир спросил: «Извините, а где вы мне сестру нашли? У меня сестры-то нет». На этот раз дипломата подвела профессиональная выдержка, и он, как вспоминал потом его собеседник, смутился и даже покраснел. В общем, всё сразу стало ясно, и встреча получилась недолгая.

Вскоре беглец переехал из Стамбула в США, где неплохо устроился. В техасском городе Сан-Антонио преподавал в нескольких школах – фехтование, плавание, футбол. Чемпион по пятиборью легко собирал группы желающих. Когда подучил английский, решил, что нужно получить американское образование. Захотел стать специалистом по русской литературе и преподавать в университете, поступил в аспирантуру. А ещё была мечта открыть своё дело, здесь одно другому не мешает. В Америке любят хорошо поесть, и ресторанный бизнес – дело перспективное...

Олег Соханевич и Геннадий Гаврилов

Два приятеля-художника в одну из летних ночей 1967 года покинули круизный теплоход «Россия», а заодно и страну, чтобы через девять суток оказаться на надувной лодке у турецкого берега.

Соханевичу было 32 года. По его меркам – вполне достаточно, чтобы задуматься о смысле быстротекущей жизни. После киевской художественной школы учился в Ленинградской академии художеств.

И что дальше? «Три года прошло после Академии, а я все ещё здесь. Советский художник-абстракционист. Картина грустная. Перспектив никаких. Нельзя сказать, чтобы я сидел сложа руки, но результатов пока нет, всё по-прежнему, и с каждым годом трудней, – ведь, помимо всего прочего, природа подарила мне талант, а это совсем уж неудобно тут, если ты честолюбив и знаешь, что работаешь хорошо. Просто хоть бросай всё к чёрту!» – сетовал он потом в своих воспоминаниях, которые назвал «Только невозможное».

Мечтал путешествовать по свету, встречаться с зарубежными коллегами, единомышленниками, удивлять своими творениями. Однако такие вопросы у нас решали уполномоченные на то люди: «Когда я пытался выехать за рубеж, чтобы посмотреть мир, меня не пускали. Я считал, что это очень-очень несправедливо. Кроме того, я был человеком упрямым».

Несмотря на отказы, он продолжал собирать документы для поездки.хлопот много, а толку ноль: «Чего-то не хватало, что-то якобы терялось. А без какой-то „потерянной“ бумажки нужно было начинать все снова. Меня это очень разъярило, хотя я держал эмоции под контролем. А однажды мне прямо сказали: „Чего ты стараешься, мы же таких не пускаем“. Я спокойно заявил: „Вы делаете ошибку“. И в эту минуту я точно решил, что сделаю всё возможное, чтобы покинуть страну».

И начал действовать. Море любил с детства, с ним же связывал и надежды на успешный побег. Съездил в Батуми на разведку, изучил пляж, присмотрелся к наблюдательным вышкам. Плавал не столько для удовольствия, сколько привыкая нырять, подолгу оставаясь под водой. И понял, что далеко уплыть не удастся, потому что сильное прибрежное течение обязательно вернёт его на родину. Тогда и появилась мысль бежать с корабля в открытом море. На резиновой лодке.

Единомышленник нашёлся быстро. Сибиряк Геннадий Гаврилов с отличием окончил ту же академию и уже успел проявить свои таланты. Расписал фойе в Театре комедии, и его взяли на должность главного художника. Неплохой старт. Но и ему было невмоготу в атмосфере, которую создала в стране руководящая и направляющая сила.

Купили лодку, компас, запаслись консервами, флягами с водой... в общем, всем, что понадобится в дороге длиной в три сотни километров. С таким грузом и сели на теплоход «Россия», который направлялся из Ялты в Новороссийск. Заранее перенесли вещи на палубу, и ночью – рюкзак за борт, а потом и сами. Всё сделали быстро, никто ничего не заметил.

Надули лодку ручным насосом – и на вёсла. Это даже приятно, если лодка в городском пруду, а грести сутками да нередко и в штормовом море – тут можно сильно захандрить. Что Гена и сделал. В результате Олег сидел на вёслах, а напарник работал вперёдсмотрящим. И чуть не погубил всё дело. «У меня вдруг появилось сильное ощущение тревоги, – вспоминал Соханевич. – Я оглядываюсь и вижу корабль, который прёт точно на нас. Когда он подошел поближе, стало понятно, что это советское судно. Я обалдел от такого дела. А мой партнер сидит на корме, смотрит мимо меня и помалкивает. Я подумал, что он сошел с ума».

Орудя веслами, Олег едва успел увести лодку из-под нависшего носа. И опять повезло, моряки их не заметили. Но потрясение было таким сильным, что Олег не простил этого приятелю. А испытания только начинались. Стёртые в кровь руки, болезнь, а тут ещё изменилось

сознание и преподнесло сюрприз: в лодке появился кто-то третий и завёл беседы о вечности... Шли только шестые сутки.

И вот на десятое утро показалась земля. У маяка – три фигуры. Беглецы машут руками, те спускаются к лодке, и вскоре моторка останавливается неподалёку: «Парле ву франсе? Ду ю спик инглиш?» Но наши соотечественники предпочитают объясняться жестами: мол, где пристать? Лодка уходит вперёд, беглецы – за ней.

Вышли на мелководье, но только ноги уже не держат тридцатилетних мужчин... Для местной публики это сенсация: на лодке... через море... не верится.

Турки гостей не выдали. Несколько месяцев беглецы находились на военной базе. Затем Стамбул, пресс-конференция. И поток непривычных впечатлений: «Наши физиономии в стамбульских газетах. Босфор, вереница судов. Несколько раз проходили корабли с красной полосой на трубе, совсем рядом. Теперь это только забавно, уже не страшно».

Вскоре беглецы оказались в США, где и прожили оставшуюся жизнь. Соханевич писал стихи, занимался абстрактной живописью и графикой, путешествовал. Открыл в себе и талант скульптура. Создал жанр «напряженной скульптуры» – это такие композиции из напряженного металла – согнутого, растянутого, сжатого... В общем, наполненного скрытой силой. Искусство это на любителя, и художник, которого природа тоже наделила немалой силой, на жизнь зарабатывал грузчиком на квартирных переездах. Хоть его произведения и выставлялись в самых престижных галереях Америки, покупать их не спешили.

Умер художник в Нью-Йорке, прожив 83 года. Со своим приятелем больше не общался с самой Турцией, не простив ему той давней слабости.

Гаврилову подрабатывать не приходилось. Он писал в академической манере картины для старой русской аристократии. Рисовал портреты знаменитостей (однажды даже жена президента Форда заказала ему портрет мужа). Денег хватало и на собственную виллу. К сожалению, прошлая слабость оказалось не единственной: шальные деньги и кутежи подорвали здоровье. После инсульта парализованный старик доживал в бедном латиноамериканском квартале того же Нью-Йорка. И до последних дней вспоминал тот побег с тёплым чувством: «Это было моё дело. Я его сделал. И в нём я нашёл себя как человека. Этот побег – самое главное событие в моей жизни».

Отец и сын Бразинскасы

15 октября 1970 г. пассажирский самолёт Ан-24 с 46 пассажирами вылетел из Батуми в Сухуми. Передние места заняли офицер с подростком. Это был Пранас Бразинскас с 15-летним Альгирдасом. В отличие от всех, они собирались лететь не в Сухуми, а в турецкий Трабзон. Офицером Пранас не был, и форму надел только ради театрального эффекта. Через пять минут после взлёта он протянул бортпроводнице Надежде Курченко конверт и приказным тоном распорядился передать командиру экипажа: «Я от генерала Крылова. С этой минуты на борту советской власти нет».

В конверте лежала записка от имени этого неведомого генерала. В ней было три пункта: лететь по указанному маршруту, прекратить радиосвязь, а за неисполнение – смерть.

Пассажирам скомандовал:

– Никому не вставать, иначе взорвём самолёт!

Проводница бросилась к пилотской кабине с криком: «Нападение!» Эти двое двинулись за ней, и когда она попыталась помешать им ворваться в кабину, раздался выстрел из обреза. Курченко упала, а «офицер» начал пальбу по членам экипажа.

Командиру корабля Георгию Чахракии пуля попала в позвоночник, и у него отнялись ноги. Были ранены бортмеханик и штурман. Не пострадал только второй пилот Сулико Шавидзе. Пассажиры было попытались помочь лётчикам, но мальчишка пригрозил взорвать самолёт (кроме обреза и пистолета имелась и граната). Старший тем временем продолжал угрожать и требовал лететь в Турцию.

Пилот сумел не только удержать машину в воздухе, но и незаметно подать сигнал «SOS». И вдобавок попытался обмануть угонщиков и посадить самолёт неподалёку, на военный аэродром в Кобулету. Однако Пранас заметил уловку и предупредил, что пилота пристрелит, а самолёт взорвёт. Угонщики были настроены решительно. Пранас продолжал держать под прицелом пилотов, а Альгирдас – пассажиров.

Командир потом вспоминал: «Надя без движения лежала на полу в дверях нашей кабины и истекала кровью. Рядом лежал штурман Фадеев. А за спиной у нас стоял человек и, потрясая гранатой, выкрикивал: «Держать берег моря слева! Курс на юг – на Трабзон! В облака не входить! Слушаться, а не то взорвём!»

Самолёт бросало из стороны в сторону: лётчик жаловался на рану, но на самом деле старался сбить угонщиков с ног:

– Я бандитам сказал: «Я ранен, у меня парализовало ноги. Только руками могу управлять. Мне должен помочь второй пилот», – рассказывал потом командир корабля. – А Бразинскас ответил: «На войне всё бывает. Можем и погибнуть». Я тут же второму пилоту сказал: «Если потеряю сознание, ведите корабль по требованию бандитов и посадите. Надо спасти самолёт и пассажиров!»

От Батуми до границы 15 км, а до Трабзона по прямой – 176, немного дальше, чем до Сухуми. И если полёт обычно занимал всего полчаса, то в этом случае в воздухе держались около полутора. Когда подлетали к Трабзону, горючего почти не осталось, и Шавидзе готов был сажать самолёт на воду. Но с воздуха разглядели аэродром, сделали круг и пустили зелёные ракеты, прося освободить посадочную полосу. Пилот открыл передние двери, ворвались турецкие спецназовцы, однако угонщики сопротивляться не собирались и сдались. Самые серьёзные испытания остались позади. А в самолёте – убитая бортпроводница и трое раненых. И 24 пулевые пробоины.

Несмотря на пальбу, у Бразинскасов хватило времени и духу затянуть в полёте на литовском песню «лесных братьев» (в 1940—50-х годах они на территории прибалтийских республик боролись с советской властью):

Меня назвали бандитом,
Враги сожгли мой дом.
У меня осталась одна подруга – винтовка.
Мой дом родной – это лес.

Бразинскас-старший знал о тех событиях не понаслышке. Он родился в независимой Литве, и в 1940-м, когда она стала советской, ему было шестнадцать. Как и большинство литовцев, новую власть не принял, а через четыре года немцы принудительно мобилизовали его в армию. Служил во вспомогательных войсках (бригада сооружала понтонные мосты). Людей с такой биографией в тех местах было много, и власти потом на эту тему претензий к нему не предъявляли.

После войны, по его собственным словам, участвовал в сопротивлении – снабжал «братьев» (в Литве их называли партизанами) деньгами и продуктами, но в операциях не участвовал. Когда отец, который тоже партизанил, погиб, Пранас от борьбы отошёл и занялся совсем другими делами. Заведовал складом хозтоваров, но за дело взялся с такой капиталистической предприимчивостью, что вскоре оказался в колонии. Причём сам считал, что его заслуги вполне тянули на расстрел: «Такие дела я воротил». Вышел досрочно, с женой развёлся, как он говорил, «по политическим мотивам». Женившись второй раз, взял фамилию жены и уехал с сыном в узбекский Коканд. Там возможности для теневого бизнеса были получше, чем в Литве, и единомышленники нашлись быстро. Бразинскас возил с родины запчасти для автомобилей, люстры и тому подобный ширпотреб, который быстро уходил на местном чёрном рынке. То есть занялся тем, что через четверть века станет вполне легальным бизнесом на территории всех когда-то союзных республик. Так появился неплохой по советским меркам капитал. И всё бы хорошо, если бы не вездесущий КГБ. Припомнили и службу в вермахте, партизан и пытались даже обвинить в расстрелах евреев. Хоть по последнему пункту криминала и не нашли, но дело и без него могло повернуться очень плохо. Тогда Пранас всерьёз задумался о бегстве на Запад. Сын поддержал, и начали готовиться: купили оружие, военную форму и, конечно, валюту. Потом ненадолго полетели в Вильнюс – проститься с близкими, побывать на родных могилах. А поскольку для побега решили захватить самолёт, то заодно и проверили, удастся ли пронести оружие на борт. Всё прошло без неожиданностей.

Заложники спустились на землю, неся с собой тело стюардессы. Ей было всего 19 лет. Год назад приехала из Удмуртии и устроилась на работу в Сухумский авиаотряд. До собственной свадьбы она не дожила всего месяц. Вместо этого её с почестями похоронили в Сухуми и посмертно наградили орденом.

Турецкие власти немедленно оказали членам экипажа медицинскую помощь и предложили всем желающим остаться там навсегда. Желающих не нашлось, и на следующий день пассажиров отправили домой на специально прилетевшем самолете.

Выдавать угонщиков, как того требовал СССР, турки не стали. Там была другая логика: мол, мужчина вынужденно пошёл на крайние меры из-за того, что ему не оставили выбора. А тот, кто хочет выйти из клетки – не террорист. Если же для этого придётся сражаться с охранниками... что ж, таковы условия этой задачи.

А по миру уже разнеслась сенсация: в СССР впервые угнали самолёт! Если точнее, то это была лишь первая успешная попытка. Впервые с угонщиками у нас столкнулись ещё в 1954 году. Самолёт Ли-2 летел по маршруту Минск – Таллин – Ленинград, а вооружённая пара собралась в Финляндию. Но там бортпроводник оказался крепким мужчиной, и самолёт сел в Таллине.

Мириться с тем, что преступникам всё сойдёт с рук, Советский Союз не собирался. Брежнев возмутился, вызвал к себе министра обороны и спросил, можно ли вернуть банди-

тов силой. И Гречко дал приказ ГРУ выкрасть Бразинскасов. Уже на следующий день спецназовцы из Главного разведывательного управления добрались до границы, где наши пограничники пропустили их на ту сторону. Через сутки нелегальная группа была в аэропорту Трарбона, но ей пришлось вернуться ни с чем: угонщики уже сидели в городской тюрьме в полной безопасности.

Вскоре Бразинскасов судили. Турки сочли угон вынужденным, а стрельбу непреднамеренной и вынесли мягкий приговор – старший получил восемь лет тюрьмы, а младший два года. В 1974-м объявили амнистию по случаю юбилея республики, и узникам заменили тюрьму на домашний арест. Это не помешало им вскоре попытаться счастья в американском посольстве как политическим беженцам. Конечно, такое скандальное нарушение режима обернулось дипломатическим отказом. Зато в посольстве Венесуэлы, куда они тоже заглянули спустя несколько дней, отнеслись к делу гораздо благосклоннее. В эту страну они тайком и отправились, хоть и ненадолго. Купили там билет до Канады, и во время промежуточной посадки в Нью-Йорке нелегально остались на территории США. Такая самодеятельность грозила неприятностями, но их поддержала литовская диаспора, и уже в 1976-м Бразинскасы получили американские паспорта, Пранас стал Фрэнком Уайтом, а Альгирдас – Альбертом Виктором, тоже Уайтом.

Занялись малярными работами в калифорнийской Санта-Монике, где самая большая литовская община. Сын окончил университет, стал финансистом в крупной фирме, женился, и даже обнаружил книжку о побеге, где не пожалел места для описания роли своей семьи в «борьбе за свободу Литвы». Но когда сбылась их мечта и Литва стала независимой, на родину не поехали, а Пранас заявил: «Пока не расстреляют последнего коммуниста и работника ГУЛАГа, ноги нашей в Литве не будет».

Между тем, отец приторговывал оружием, в котором знал толк. Да только вот у старика с возрастом настолько испортился характер, что он мог в приступе бешенства гоняться с пистолетом за соседскими детьми. Альгирдас содержал полусумасшедшего отца и ухаживал за ним, но тот и с ним не церемонился: однажды направил на него пистолет и пригрозил застрелить, если сын его бросит. Причём сказал это настолько убедительно, что тут же получил в порядке самозащиты попавшейся под руку гантелью по голове. На этом жизнь 77-летнего старика закончилась, а у сына началась совсем другая, в тюрьме. Присяжных смутил тот факт, что сын вызвал полицию только через сутки. Адвокат подводил дело к самообороне и напирал на шоковое состояние обвиняемого, но всё равно его подзащитный получил 16 лет.

Хоть это была и не первая попытка угона, серьёзных выводов раньше не делали. Потребовалось кровь девушки, чтобы что-то изменилось. Сегодня действовать следует уже совсем не так, как это происходило в 1970-м: «Убедившись в наличии у нарушителей оружия или других предметов явной угрозы, воздерживаться от разговоров и действий, которые могут раздражать нарушителей или спровоцировать их к агрессивным действиям». Это из правил для экипажа. А вот для пассажиров: «Главное – сохраняйте спокойствие, терпеливо выполняйте то, что вам говорят, и сохраняйте веру в то, что вас спасут. Героизм проявлять в такой ситуации опасно не только для вас, но и для всех пассажиров и экипажа. Доверьте операцию по спасению профессионалам, которые совершат силовое освобождение заложников так, чтобы никто при этом не пострадал».

Жизнь потом не раз подтверждала эти правила. Когда три года спустя угнали Ту-104, летевший из Москвы в Читу, то милиционер, сопровождавший самолёт, метко выстрелил в спину угонщика. А у того в руках была бомба. Преступник погиб сразу, а спустя минуты – ещё 81 человек. Стало ясно, что меткая стрельба в таких случаях может и погубить.

Между тем, удачный побег кое для кого стал примером: сразу же после батумской истории захватили ещё один самолёт. Угонщиков тоже было двое, и собирались они в ту же Турцию. Повторить успешный сценарий не удалось, но теперь уж в газетах не появилось ни строчки: вла-

сти поняли, что дурные примеры заразительны. Зато стали проводить предполётный досмотр, экипаж получил оружие, на приграничных рейсах появились вооруженные сопровождающие в штатском, а в уголовном кодексе – новая статья: «Угон воздушного судна».

Статистику на этот счёт приводят такую: за всю историю отечественной гражданской авиации было совершено 117 попыток угона самолётов, из них почти четверть – удачных. 111 пассажиров погибли, зато 17 угонщиков убито. Впрочем, цифры приводят разные, и насколько они точны – сказать трудно. Несомненно лишь то, что угоны породила запертая на замок граница.

И вообще в этой истории, о которой писали сотни раз, далеко не всё ясно. Бразинскас говорит, что его отец расстрелян НКВД? А у нас другая версия: погиб от пули своих же «братьев». Борец за свободу Литвы? Да нет, обыкновенный спекулянт. И тут, и там – лишь слова, и потому вопрос остаётся открытым. Причём не только этот. Например, почему в салоне разразилась такая пальба? 24 пробоины, а ведь стреляли, согласно официальным данным, только угонщики. И зачем было стрелять в пилотов, если без них всем грозила верная смерть? Угонщики были неудачливыми самоубийцами? Как выяснилось, даже второй пилот уцелел случайно: пуля просто застряла в спинке кресла. Между тем, Бразинскас-старший утверждал, что стрельбу открыли агенты в штатском, которые были на борту, а стюардесса случайно погибла в перестрелке. И при этом ни одна пуля не задела самих нападавших. Что же это были за стрелки?

Верится, конечно, с трудом, но эту версию подхватили не только на Западе. Даже академик Сахаров говорил: «Большинству советских граждан до сих пор неизвестно, что Курченко не была убита Бразинскасами, а погибла от случайной пули советского охранника». Неужто это лишь со слов угонщика? Ведь известно, что в том году ещё не было ни досмотров, ни охранников. Но известно и другое: у властей есть давняя привычка скрывать неудобные факты и врать, отрицая очевидное. В результате им перестали верить даже тогда, когда говорят правду. Такая вот репутация...

Страна была возмущена этим громким преступлением. Трудящиеся требовали выдать воздушных пиратов и, конечно, расстрелять отщепенцев. Полвека спустя многое изменилось, и новое поколение рассуждает на эту тему на интернетовских форумах гораздо спокойнее: «Если у тебя есть расхождения с властью, так ты сразу становишься отщепенцем. А была бы возможность спокойно выехать, никто бы геройски не пострадал, и пусть едут куда хотят».

Раненые лётчики выздоровели и продолжали летать. Не повезло только командиру корабля. Он почти два года был парализован, перенёс несколько операций, но так и остался инвалидом. А их самолёт после ремонта перевели на один из маршрутов в Узбекистане, В кабине пилотов висела фотография погибшей стюардессы.

Павел Дудников и команда «Вишеры»

В 1972 году из страны навсегда уплыл корабль «Вишера» во главе с капитаном Дудниковым.

Инициатором операции был тоже он. Фронтовик, после войны закончил мореходку, плавал за рубеж. Видел тамошнюю жизнь, сравнивал, критиковал наши привычные безобразия. Долго критиковать ему не дали, с работы выгнали и зарубежную визу аннулировали. Вот тогда он и решил пересечь границу самостоятельно.

Дудников переехал в Сухуми и попытался устроиться в рыбколхоз. Это было непросто после прежних приключений, но руководству понравились профессионализм и работоспособность моряка. Так он стал капитаном рыболовецкого сейнера.

Команда подобралась слаженная, хоть с точки зрения «сознательности» образцовой не была. Старший помощник капитана Георгий Колосов уже побывал в лагере, власть ненавидел и думал о побеге. Другой помощник, Валерий Дюсов, с интересом слушал западное радио и мысли его были очень далеко. У литовца Ромаса Гадляускаса во время войны отец сражался с новой властью и погиб в тюрьме. Так что когда капитан подал мысль о побеге, то воздержавшихся не было.

Старенькое судно отправили в Керчь на ремонт, после чего предстоял обратный путь, в Сухуми. Вот тут-то Дудников и решил бежать. Рацию отключили и взяли курс на Босфор. Через двое суток «Вишера» миновала пролив и оказалась в Мраморном море. Плыть решили в Грецию, где правили «черные полковники». Отношения с СССР они разорвали и уж назад беглецов не вернут.

Успешный побег можно и отпраздновать. Бросили якорь, капитан созвал всех в салон и поздравил команду при полных бокалах шампанского. Команда ликовала. Но радовались не все. Старший механик Цхадая, как рассказывал Дудников, «был ярый коммунист, фанатик, притом дурковатый. Я объявил, что судно будет следовать дальше в Грецию, потому что турки часто с Москвой устраивают сделки и выдают перебежчиков. Цхадая умолял меня не идти в Афины, потому что его как коммуниста засадят за решетку. Я ответил, что его не тронут, так как греки соблюдают международные правила. Но до него не доходила никакая истина. И вот у порта Чанакалле, когда к борту подошёл турецкий служебный катер, Цхадая бросается на катер и устраивает шум – трясет в объятиях турецких представителей, а они его не понимают. Турки подумали, что это советский перебежчик и отошли от борта, а мне махнули рукой – следуйте. И я продолжил рейс в порт Пирей. После я узнал у греческих властей, что турки в Чанакалле не могли найти переводчика целые сутки, а когда узнали от него, что бежало судно, а его требуют возвратить его в СССР, то наш след к этому времени пропал. Ну, а когда Цхадая вернулся в Сухуми, то мне писали друзья, что над ним смеялся и потешался весь город».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.